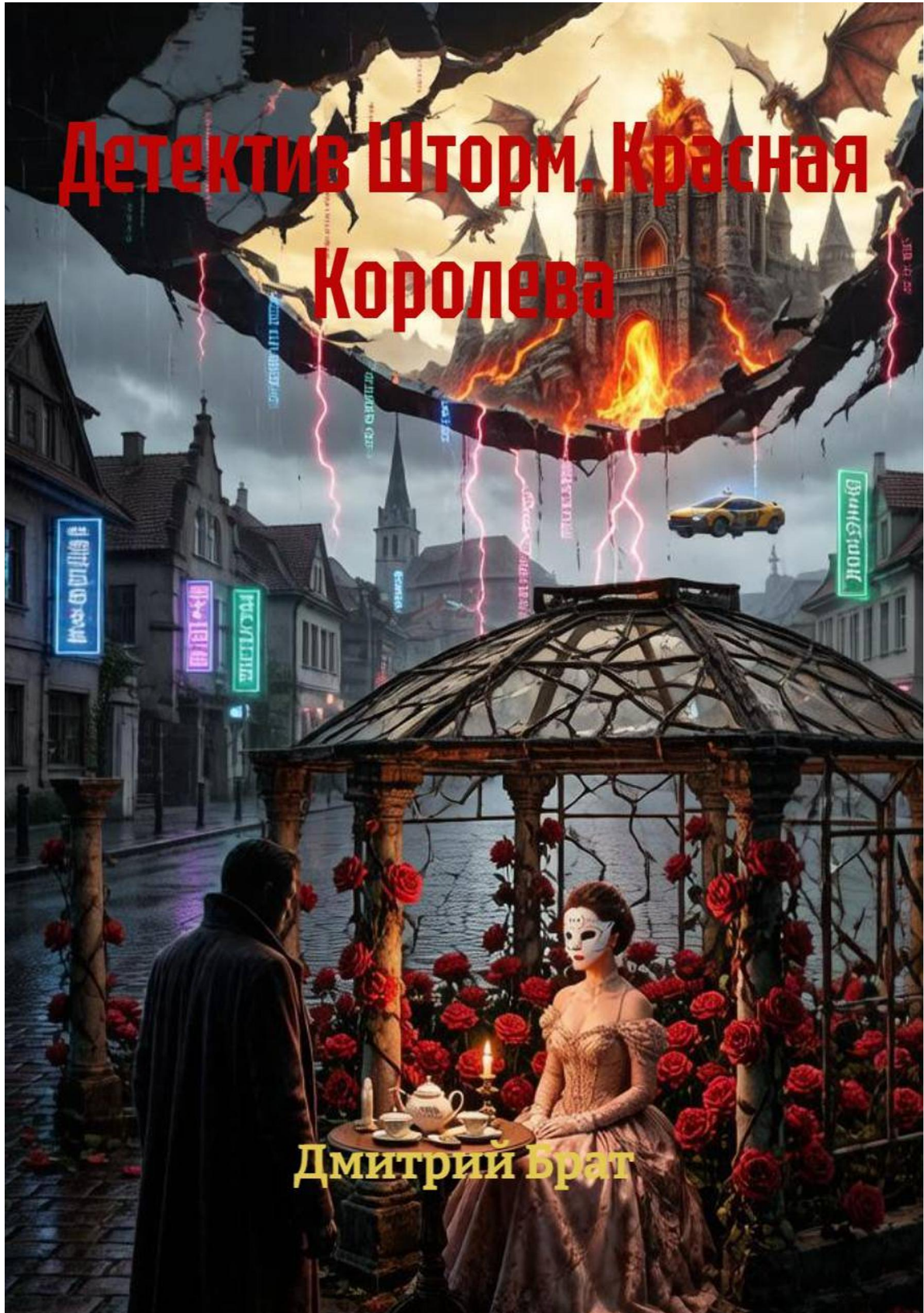

Детектив Шторм. Красная Королева

Дмитрий Брат

Дмитрий Брат

**Детектив Шторм.
Красная Королева**

«Автор»

2026

Брат Д.

Детектив Шторм. Красная Королева / Д. Брат — «Автор», 2026

Алексей Шторм — бывший архитектор виртуальных миров, а ныне следователь отдела «Аномальных виртуальных инцидентов». Восемь лет назад по его вине двенадцать человек навсегда застряли в цифровой коме. Теперь он ищет того, кто использует VR как орудие убийства. В викторианском симуляторе «Туманный Лондон» погибает журналист, расследовавший деятельность таинственного Архитектора. Его пригласили на чай с Красной Королевой — персонажем, которого не существует в коде игры. След ведёт в фэнтезийный мир «Асгарда», где во время рейда умирает звезда киберспорта. Два дела, два мира, один почерк. Шторму предстоит погрузиться в игру, из которой можно не вернуться, допросить шестерых подозреваемых и ответить на вопрос, который мучает его восемь лет

© Брат Д., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Дмитрий Брат

Детектив Шторм. Красная Королева

Глава

ТЕХНИЧЕСКИЕ ТЕРМИНЫ

ID (Identifier)— идентификатор, уникальный номер, который присваивается каждому игроку, аватару или устройству в сети. Позволяет системе отличать одного пользователя от другого. «Пустой ID» в книге означает, что отправитель стёр свои данные — такое под силу только Архитектору.

IP-адрес — уникальный цифровой адрес устройства в интернете, по которому можно определить его местоположение. Майя и Сай не раз вычисляют преступников по IP.

Прокси-сервер— промежуточный сервер, через который пользователь выходит в сеть. Используется для сокрытия реального IP-адреса. Архитектор пропускает свои сигналы через цепочки прокси, чтобы запутать следы.

Логи (журналы)— файлы, в которых система автоматически записывает все действия: входы и выходы, команды, ошибки. Сай постоянно анализирует логи серверов, восстанавливая картину преступлений.

Бэкап (резервная копия) — копия данных, сохраняемая на случай их потери или повреждения. Даже если преступник стирает улики, они могут сохраниться в бэкапах.

Кулер — вентилятор охлаждения компьютерного оборудования. Гул кулеров — постоянный звуковой фон в серверной («Морге») Отдела АВИ.

Сигнатура— уникальная цифровая подпись фрагмента кода, позволяющая опознать его автора. Сай отслеживает сигнатуру Архитектора (ZERO.ghost) в разных играх.

ZERO.ghost— файл-призрак, восстановленный Саем из логов «Элизиума». Содержит зашифрованные данные, меняет структуру без внешнего воздействия, реагирует на ключевые события расследования. Связан с Архитектором.

«Швы» — особые красные линии-артефакты, которые Шторм замечает в виртуальных мирах. Это следы вмешательства в программный код: кто-то изменил текстуры, объекты или механику. Благодаря опыту творца VR-миров Шторм видит то, чего не видят обычные игроки.

ИГРОВЫЕ ТЕРМИНЫ

MMORPG (Massively Multiplayer Online Role-Playing Game)— массовая многопользовательская ролевая онлайн-игра. Тысячи игроков одновременно находятся в одном виртуальном мире. «Асгард» относится именно к этому жанру.

Королевская битва (Battle Royale) — жанр, где множество игроков сражаются друг с другом, пока не останется один выживший. «Колизей» — типичный представитель.

Реалити-шоу в VR— формат «Ковчега»: прямая трансляция игрового процесса на многомиллионную аудиторию. Зрители делают ставки на действия участников, а администраторы могут влиять на сценарий.

Аватар — цифровое представление игрока в виртуальном мире. Может выглядеть как угодно, независимо от реальной внешности.

Ник (никнейм) — псевдоним игрока.

NPC (Non-Player Character) — неигровой персонаж, управляемый программой (скриптом), а не живым человеком. Трактирщики, стражи, предки лорда Блэквуда — всё это NPC.

Рейд — групповое прохождение сложного задания в MMORPG, обычно с битвой против могущественного босса. Требуется слаженной работы десятков игроков.

Босс — особо сильный противник, для победы над которым нужна координация всей группы. В книге — огненный великан Сурт.

Танк — игрок, который принимает на себя основной урон от босса, защищая остальную группу. Он стоит на передовой и держит удар.

ДамAGER (Damage Dealer, DPS) — игрок, наносящий основной урон противнику. .

Хилер (Healer) — игрок, который лечит и восстанавливает силы членов группы. Без хилера танк долго не протянет.

Аггро (аггро-таблица) — механика, определяющая, кого из игроков босс считает наибольшей угрозой и атакует в первую очередь. Танки специально наращивают аггро, чтобы удерживать внимание босса на себе.

Стрим — прямая трансляция игрового процесса в интернете. Стримы Ильина собирали до пятидесяти тысяч зрителей.

ПРОЛОГ: ЧАЙ, МИСТЕР АВЕРИН?

Оранжерея встретила Германа Аверина запахом гниющих роз.

Виртуальный Лондон не баловал обоняние — разработчики «Туманного Лондона» экономили на сенсорных модулях, и большинство игроков довольствовались базовым набором ощущений: холод тумана, вибрация брусчатки под колёсами кэба, металлический привкус смога. Но здесь, в закрытой локации особняка лорда Блэквуда, пахло именно так, как пахнет смерть, притворяющаяся красотой.

Аверин — точнее, его аватар, детектив-консультант Эшфорд — замер у входа, пытаясь совладать с кодом, который вдруг стал вести себя неправильно. Он не был геймером. Он был журналистом, расследователем, человеком, который привык копаться в грязном белье корпораций. В «Туманный Лондон» он пришёл только потому, что след привёл его сюда.

Архитектор.

Четыре года работы. Четыре года бесплодных попыток доказать, что трагедия восьмилетней давности в «Элизиуме» была не случайностью. Что двенадцать человек, оставшиеся в коме — не жертвы «эпилептического припадка», а первые кирпичи чего-то нового. И вот теперь источник прислал сообщение: «Вы хотите знать правду о Красной Королеве? Приходите на чаепитие. Особняк Блэквуда, оранжерея. Ровно в полночь по серверному времени».

Он пришёл.

Оранжерея была пуста. Почти.

В центре, за круглым столиком, уставленным чайным сервизом, сидела женщина в алом платье. Её лицо закрывала маска — фарфоровая, расписанная под карточную масть. Красная Королева. Персонаж, которого не существовало в официальном лоре игры. Аномалия. Глюк. Или, как сказали бы те, кто понимает — след Архитектора.

— Вы пунктуальны, сэр Эшфорд, — произнесла она голосом, который звучал сразу из ниоткуда. — Присаживайтесь. Чай стынет.

Аверин подошёл к столу. Он попытался активировать запись разговора, но обнаружил, что все его внешние программы заблокированы. Паника начала подниматься откуда-то из живота, но он подавил её.

— Кто вы? — спросил он. — Вы обещали мне информацию об Архитекторе.

— О нём? — Королева наклонила голову, разглядывая его сквозь прорези маски. — Я могу рассказать о нём всё. Но сначала, мистер Аверин, я хочу показать вам кое-что.

Она щёлкнула пальцами, и оранжерея поплыла.

Стены растворились, сменяясь панорамой, которую Аверин видел только на старых, затёртых скриншотах из закрытых архивов. Зал управления «Элизиума». Огромные голографические панели, ряды кресел с нейроинтерфейсами, люди в белых халатах, застывшие как статуи в момент катастрофы.

— Это день, когда всё началось, — произнесла Королева, поднося чашку к губам. — Двенадцать человек не просто застряли в системе. Они стали фундаментом. Архитектор оценил подарок, который сделал ему ваш друг, Алексей Шторм.

Аверин заставил своего аватара сделать шаг назад, но ноги не слушались. Интерфейс движения не отвечал. Он был заблокирован в этой симуляции, лишённый возможности пошевелиться.

— Что вы делаете? — его голос в реальном мире дрогнул, он почувствовал, как пульс ударил в виски.

— Ничего, мистер Аверин. Просто смотрите. Сорок семь минут на то, что виновный в гибели двенадцати человек хотел бы забыть. Смотрите, и пусть ваше сердце само решит, выдержит ли оно эту правду.

На стене за её спиной висели старомодные часы. Секундная стрелка дёрнулась.

47 минут.

46.

45.

Аверин попытался закричать, но чат-лог зафиксировал лишь последнее сообщение, отправленное в пустоту: «Чай подан. Выпей до дна, Эшфорд».

Симуляция продолжалась, а вместе с ней — медленная, мучительная смерть, которую районный эксперт на следующее утро назовёт «острой коронарной недостаточностью».

Симуляция продолжалась. В реальном мире никто не знал, что Герман Аверин уже мёртв. Его тело найдут только через пять часов, когда жена обеспокоится и вызовет полицию.

ГЛАВА 1: ПИКСЕЛИ И ИХ ПРОБЛЕМЫ

Виртуальный мир «Тихий Дом», за 2 часа до

Мир «Тихого Дома» был симуляцией абсолютного покоя. Идеальный закат над морем, которого не существует. Песок, скрипящий под ногами с математической точностью. Запах соли в воздухе — чистый, без примеси гари или пластика. Шторм создал его сам, по старым чертежам из памяти. Место, где нет кода. Только покой.

Аватар перед ним был стандартным: безликий манекен в сером балахоне. Он сидел на берегу, глядя на горизонт.

— Имя? — спросил Шторм. Его голос в симуляции звучал глухо, будто из-под воды.

— У меня нет имени, — ответил аватар. Голос был синтезированным, но в интонации проскальзывали человеческие нотки — усталость и обречённость.

— Тогда я буду звать тебя Иван.

— Мне всё равно.

Шторм сел рядом. Он не смотрел на аватара. Он смотрел на горизонт. В идеальной симуляции всегда есть изъян. Здесь это была чайка. Она летела слишком ровно, повторяя одну и ту же траекторию по кругу.

— Ты знаешь, где находишься? — спросил Шторм.

— В игре.

— Нет. Ты находишься в серверной стойке в подвале на окраине города. Твоё тело подключено к нейроинтерфейсу.

Аватар дёрнулся, словно от удара током.

— Ты лжёшь! Здесь красиво! Здесь... спокойно.

— Это покой овоща на грядке, — отрезал Шторм, его голос стал жёстче. — Твоё сознание заперто в петле времени. Для тебя прошли месяцы блаженного небытия. Для твоего тела в реальности прошло восемь лет. Ты в коме, Иван. И я пытаюсь тебя разбудить.

Он протянул руку и коснулся плеча аватара. В реальности он сидел в кресле у себя дома, а его пальцы бегали по виртуальной клавиатуре, взламывая протоколы защиты, которые он сам когда-то и писал. Он пытался достучаться до сознания, запертого внутри. Пытался создать якорь, зацепку, крикнуть: «Проснись!».

Но здесь, в симуляции, это выглядело как жест помощи.

— Готов? — спросил он.

Аватар посмотрел на него. В пустых глазах цифровой куклы впервые мелькнуло что-то живое — страх.

— Нет... Не надо... Я не хочу обратно...

Мир «Тихого Дома» начал рушиться. Закат мигнул и погас. Море превратилось в статичное синее поле. Шторм почувствовал привычный рывок — выход из VR.

Он стянул с головы нейрошлем. В квартире было темно и тихо. На экране монитора мигала одна и та же строка ошибки: *«Соединение разорвано. Объект не найден»*.

Восьмой год подряд. Восьмой год он пытался спасти хотя бы одного из двенадцати.

Восьмой год — безуспешно.

День первый после смерти Аверина. 06:15 утра.

Кофеварка зашипела, выплюнув в кружку порцию чёрной, как совесть корпоративного юриста, жидкости. Алексей Шторм наблюдал за этим процессом с тем удовольствием, с каким верующий смотрит на утреннюю молитву. Кофе был реален. Горяч. Горьк. Он не требовал обновления, не зависал и не пытался продать расширенную подписку на молоко.

Шторм провёл рукой по лицу — щетина, мешки под глазами, морщины вокруг глаз стали глубже за последний год. Ему было сорок, но зеркало упорно показывало пятьдесят. Тёмные волосы, тронутые проседью, были небрежно зачёсаны назад. Серые глаза смотрели устало, но цепко — привычка, которая не исчезала даже после бессонной ночи.

Он был одет в старые шорты и футболку с надписью «Пиксели» — подарок Лёвы на прошлый день рождения. Шторм кривился, когда надевал её, но носил. Ткань была мягкой, вытертой до дыр, и это было важнее, чем дизайн.

Квартира встретила его тишиной и порядком.

Маленькая, но аккуратная. Минимум мебели: кресло у окна, стол, стул. На стенах — ни фотографий, ни картин. Никаких следов прошлой жизни. Только на кухне — кофеварка, холодильник, пара тарелок, две кружки. В холодильнике — яйца и много полуфабрикатов. В шкафу — набор столовых приборов на двенадцать персон, никогда не распакованный. Подарок матери. Он так и не нашёл повода его открыть.

Шторм отхлебнул кофе и не заметил, как начал бормотать:

«Быть или не быть — вот в чём вопрос...»

Привычка, от которой он не мог избавиться. В детстве дразнили. В молодости прощали. Теперь просто не замечали.

За стеной проснулся сосед. Артур, двадцатидвухлетний стример с позывным Фантом, начинал свой рабочий день одинаково — с криком:

— ДА ОН ЖЕ БОТ! ВЫ ВСЕ ВИДЕЛИ! ЗАДЕРЖКА ДВЕ ДЕСЯТЫХ! ЭТО НЕ ЧЕЛОВЕК!

«Доброе утро, Артур, — подумал Шторм, отхлёбывая кофе. — Ты снова проиграл. И снова это сделал бот. Мир несправедлив».

Шторм знал Артура не только по крикам. Иногда сосед забежал на кофе — жаловался на хейтеров, на стримы, на жизнь. У Шторма даже был запасной ключ от его квартиры. Артур постоянно терял свои, и несколько раз в месяц приходилось открывать дверь. Шторм молча впускал его, кивал и уходил к себе. Артур благодарил. На следующий день история повторялась.

Шторм допил кофе и посмотрел на левую руку. Шрам. Старый, давно заживший, но всё ещё заметный. Память о «Колыбели». Ошибка, которую он совершил, которую не мог исправить, которую не мог забыть.

Восемь лет назад.

«Элизиум» был мечтой. Самой амбициозной VR-платформой десятилетия — полное погружение, тактильная обратная связь, эмоциональное моделирование. Инвесторы стояли в очереди. Журналисты писали восторженные статьи.

А они сидели в зале управления втроём — Шторм, Андрей и Одинцов.

Шторм отвечал за архитектуру симуляции. Андрей — за нейроинтерфейсы. Одинцов — за безопасность. Они были друзьями, партнёрами, почти братьями. Вместе начинали, вместе спорили до хрипоты, вместе мечтали изменить мир.

— Ты уверен, что мы всё учли? — спросил Шторм, глядя на двенадцать коконов. Двенадцать добровольцев. Двенадцать человек, которые доверили им свои жизни.

— Уверен, — ответил Андрей, не отрываясь от монитора. — Система надёжнее, чем ты думаешь.

— Проверь петлю обратной связи.

— Я уже проверил. Трижды.

— Проверь ещё раз.

Андрей обернулся. В его глазах было раздражение.

— Шторм, мы запускаемся через час. Если мы сейчас начнём всё перепроверять, инвесторы уйдут.

— А если мы ошибёмся?

— Не ошибёмся.

Он отключил защитный протокол — тот, который тормозил симуляцию. Шторм видел это, но промолчал. Андрей был гением. Он знал код лучше всех.

Одинцов стоял у пульта безопасности, молчал, смотрел на экран. Потом перевёл взгляд на Шторма. В его глазах было сомнение. Но он тоже промолчал.

Через три минуты система вошла в необратимый цикл.

Крики. Красные лампочки. Двенадцать коконов — и двенадцать сердечных ритмов, которые сошли с ума. Они не умерли. Но и не проснулись. Кома. Глубокая, нестабильная, без прогнозов.

— Отключай! — крикнул Шторм, рванув к аварийному щиту.

— Не могу! — Андрей стучал по клавиатуре, но экран не отвечал. — Система заблокировала управление!

Одинцов пытался перезагрузить серверы — бесполезно.

Шторм замер. Двенадцать ритмов дрожали, сбивались, но держались. Никто не умер. Но никто и не проснулся.

Потом были следствие, комиссии, статьи в газетах. «Элизиум» закрыли. Родственники жертв требовали ответов. Кто-то приходил в офис с криками. Кто-то писал гневные письма. Кто-то просто плакал в приёмной.

— Вы убили мою дочь! — кричала женщина в чёрном платке.

— Она жива, — пытался объяснить Шторм. — Врачи говорят...

— Она не жива! Она — овощ! Вы превратили её в овощ!

Он не знал, что ответить. Потому что она была права — в каком-то смысле.

Андрей сломался первым. Он перестал выходить из кабинета, перестал есть, перестал спать. Шторм находил его ночью за терминалом — он пытался исправить код, вернуть их, но ничего не работало.

— Это я виноват, — повторял Андрей. — Это я отключил защиту.

— Мы оба виноваты, — отвечал Шторм. — Я промолчал. Я должен был настоять.

Одинцов молчал. Он просто ушёл через неделю. Сказал, что не может больше здесь находиться. Шторм не винил его.

А потом исчез Андрей. Не сказал ни слова. Не оставил записки. Просто перестал отвечать на звонки, а через месяц его квартира опустела.

Шторм остался один. С двенадцатью лицами, которые снились ему каждую ночь. С двенадцатью семьями, которые требовали справедливости.

Он никогда не простил себе, что промолчал.

Никогда.

Шторм закрыл глаза. Сжал кружку так, что побелели костяшки.

Восемь лет. Я несу их с собой каждый день.

— И сегодня, — сказал он вслух. — Сегодня будет новый день.

Он поставил кружку, переоделся — чистые джинсы, старая куртка, выдавшие виды ботинки — и вышел на улицу.

06:42. Вагон метро, линия «Кольцевая».

Вагон был полон, но тих — пассажиры молчали, уткнувшись в свои экраны. Голографические панели планшетов отбрасывали бледный свет на лица, делая их похожими на маски. Световые указатели над дверями мигали зелёным, объявляя станции синтезированным голосом. Над головами плыла реклама — яркая, анимированная, продающая VR-туры на Бали, кредиты на нейроинтерфейсы и курсы цифровой гигиены.

Шторм прислонился к поручню и закрыл глаза. Мысли сами собой вернулись к работе. Отдел аномальных виртуальных инцидентов. АВИ. В просторечии — «Пиксели». Они были изгоями даже внутри собственного управления. Настоящие оперативники ловили реальных преступников — с наркотиками, оружием, трупами, которые можно потрогать. А «Пиксели» расследовали то, что большинство людей считало страшилками для геймеров.

«Трогать, — подумал Шторм. — Смешной критерий. Как будто смерть становится менее реальной, если она происходит в цифре».

Он открыл глаза и посмотрел на пассажиров.

Молодая женщина напротив блаженно улыбалась, водя пальцем по воздуху перед собой — у неё была модель с жестовым управлением. Парень в галстук поверх домашней футболки беззвучно шевелил губами, прижимая к уху компактный коммуникатор. Совещание. Или вопрос. Или разговор с кредитным ботом — по лицу не определить.

«Интересно, как Майя ездит в метро? — подумал Шторм. — Смотрит на всех этих людей и читает их? Или отключается? Надо будет спросить».

Он перевёл взгляд на других пассажиров. Пожилая женщина с тяжёлой сумкой дремала, привалившись к стеклу. Двое подростков в одинаковых худи тыкали в один планшет, обсуждая что-то на повышенных тонах. Мужчина в дорогом пальто листал финансовые графики, шевеля губами — считал дивиденды.

Никто не смотрел на Шторма. Никто не замечал его. Он был просто частью пейзажа — ещё один усталый мужчина в старом пальто, едущий на работу.

Он провёл рукой по волосам, поправил воротник. Настроиться на рабочий лад. Отключить лишнее. Сосредоточиться на том, что важно.

За стеклом вагона проплывали станции — старые, ещё советские, с мраморными колоннами, и новые, стеклянные, похожие на космические терминалы. Город между ними менялся.

Новый Кёнигсберг — бывший Калининград — стал цифровой столицей России. Особой экономической зоной. Местом, куда стекались IT-компании со всей страны. Нулевой налог на прибыль, пониженные страховые взносы, льготные кредиты — власти сделали всё, чтобы привлечь инвесторов. Технопарки вырастали как грибы после дождя. Дата-центры «Элизиум-Тех», «DreamCore», «Нейро-Русь» заняли целые кварталы.

Город преобразился. Набережные обновили, парки расширили, исторические виллы Амалиенау отреставрировали. Но вместе с деньгами и технологиями пришли и проблемы. Цифровые. Виртуальные. Те, которые нельзя потрогать.

Серверы «Элизиум-Тех» гудели круглосуточно. Миллионы нейроинтерфейсов обменивались данными. Кто-то играл, кто-то работал, кто-то убивал. И где-то в глубине этих серверов, в цифровых лабиринтах, прятались те, кого ловил Шторм.

«Иногда я не понимаю, в каком городе живу, — подумал он. — В старом Кёнигсберге или в новом Кёнигсберге. Может, ни в том, ни в другом. Может, я живу в городе, которого нет. В городе, который придумали чиновники и инвесторы».

Вагон тряхнуло на стыке. Парень в галстук выронил коммуникатор и тихо выругался. Шторм усмехнулся про себя. Мир будущего. Люди научились перемещать сознание в любую точку виртуальной вселенной, но по-прежнему роняют гаджеты в метро.

Он поднялся со своего места и направился к выходу. Станция «Кнайпхоф». До Отдела — пять минут пешком.

07:05. Цокольный этаж Главного управления.

Отдел АВИ располагался в подвале старого немецкого бункера, построенного ещё до Второй мировой. Толстые бетонные стены, сводчатые потолки, полное отсутствие окон — архитектура, рассчитанная на бомбёжку, а не на комфорт. При Советах здесь был склад. Потом — ничейная территория. А потом пришёл Горецкий, выбил помещение под свой отдел и сказал: «Будем работать». С тех пор они здесь и сидели.

Где-то в трубах над потолком капала вода — мерно, настойчиво. Серверы гудели за перегородкой, и их гул смешивался с редкими щелчками клавиатур и далёким шумом вентиляции. Пахло пылью, перегретыми процессорами и старым бетоном. Где-то в углу пахло горелой проводкой — вечный запах этого подвала, который не выветривался годами.

Единственным напоминанием о внешнем мире служил экран над столом начальника — на него транслировалась картинка с уличной камеры. Серое балтийское небо. Шпиль Кнайпхофской кирхи. Голографическая вывеска «DreamCore: твоё вторая жизнь — первый месяц бесплатно». Новый Кёнигсберг, 2078 год. Город, который выглядел так, будто кто-то взял прусскую открытку, наложил поверх неё советскую архитектурную кальку, а потом пропустил через нейросеть, обученную на дешёвых антиутопиях.

Шторм вошёл. Дверь открылась с тем протяжным скрипом, который бывает только у дореволюционных сейфов и бомбоубежищ, где не меняли петли лет восемьдесят.

Он скинул пальто на вешалку у входа — старая, ещё Горецкого времён, с одним сломанным крючком — и направился к кофеварке. Пока варился кофе, осмотрелся.

В центре опенспейса, отгороженный стойками с серверами, сидел Сай. Кирилл Еремеев, двадцатисемилетний вундеркинд с позывным Сай, спал прямо на рабочем месте. Голова — на клавиатуре, синие очки сползли на кончик носа, на правой щеке медленно проступали буквы — q, w, e, r, t, y. Рядом с монитором выстроилась батарея пустых банок из-под энергетика.

Сай был худым, почти прозрачным — вечные тёмные круги под глазами, бледная кожа, пальцы, которые никогда не переставали двигаться, даже во сне. Он выглядел младше своих

двадцати семи, но глаза — когда он их открывал — выдавали усталость, накопленную за годы работы. У него была легендарная «коллекция» призраков в коде — фрагменты уничтоженных программ, остатки удалённых аккаунтов, следы, которые никто, кроме него, не мог найти. Он называл их «спящими». Шторм называл их уликами.

— Доброе утро, гений, — сказал Шторм, проходя мимо.

— М-м-м... бэкап не прошёл... — пробормотал Сай, не просыпаясь.

В углу, за стеклянной перегородкой, обклеенной распечатками и стикерами, уже сидела Майя Рихтер — профайлер отдела. Женщина лет тридцати пяти, с русыми волосами, собранными в небрежный пучок, и вечным выражением усталости на лице. На ней были большие наушники, из которых сочился едва слышный ритмичный шум — она слушала логи в аудиоформате, утверждая, что так «лучше слышит аномалии». На стене за её спиной висели «Маски» — скриншоты аватаров убийц, которых она помогла поймать. Шторм знал, что каждая маска — это чья-то трагедия. И что однажды она сказала ему: «Я умею их читать, потому что когда-то жила с таким».

Шторм кивнул ей. Майя подняла глаза, молча показала два пальца — то ли «доброе утро», то ли «уже два подозрительных случая за ночь». Он не стал уточнять.

В глубине опенспейса горел свет. Полковник Горецкий сидел за своим столом — единственным нормальным столом в этом подвале. Седой, худой, с лицом, изрезанным морщинами. Его серый китель висел мешком, под глазами залегли тени, но взгляд оставался цепким, живым — две колющие точки на измождённом лице. Голос — хриплый, с лёгким командным придыханием — выдавал человека, привыкшего отдавать приказы, даже когда сил почти не оставалось.

Он умирал уже три года. Врачи давали ему полгода, потом ещё полгода, потом разводили руками. Горецкий называл это «затянувшимся прощанием» и принципиально отказывался от VR-терапии. Шторм знал, что там, в ящике стола, лежит старая фотография. Он никогда не спрашивал, кто на ней. Но догадывался.

— Доброе утро, Шторм, — сказал Горецкий, не отрываясь от панели.

— Полковник. Вы сегодня рано.

— Я сегодня не уходил.

Шторм взял кружку с кофе — Лёва ещё не пришёл, пришлось варить самому — и сел за свой пустой стол. Ноутбук. Кружка. Никаких голограмм. Никаких цифровых помощников.

Он сделал глоток. Горько. Правильно.

Рабочий день начинался.

Шторм подошёл к столу начальника. На голографической панели светился полицейский снимок: мужчина в домашнем кресле, тело неестественно откинута, на голове — VR-шлем. Рядом, на подлокотнике — чайная чашка. Нетронутая.

— Журналист, — сказал Горецкий. — Аверин Герман. Сорок один год. Сердце отказало прямо в игре. Районные эксперты списали на несчастный случай.

— Но? — спросил Шторм, уже знающий, что сейчас последует «но».

— Но есть две детали. Первая: приглашение в игру от персонажа, которого не существует. Называет себя Красной Королевой.

Шторм напрягся. Где-то между лопаток, в том месте, где нейроинтерфейс крепился к позвоночнику, запульсировала тупая боль. Он не включал имплант уже несколько лет. Но иногда, когда речь заходила о старом, он чувствовал его — холодный, чужеродный, как напоминание о том, кем он был когда-то.

— Вторая: при обыске нашли дневник. Бумажный. — Горецкий бросил на стол папку. — Последняя запись — там.

Шторм открыл папку. Убористый почерк. Чернила. Последняя запись, датированная вчерашним днём:

Я нашел его.

Того, кто был в системе ДО запуска. Они называют его Архитектором.

То, что я видел... это не смерть. Это хуже. Сознание заперто в петле, но оно функционирует. Они... общаются? Или это эхо? Она сказала: "Они стали фундаментом". Что, если смерть — это не конец, а просто переход? В тюрьму из света и кода.

Его логика извращена. Он считает наш мир "сырым билдом", полным ошибок. А его мир — "релизом". Смерть для него — "миграция данных". Он не злодей. Он — спаситель со сломанной моралью.

Я нашел его след в коде. Он был там, в самом начале. Стиль программирования... я знаю только одного человека с таким почерком. Но он исчез.

Я проверил логи приглашения. Сигнал шел извне. Маршрут пакета данных ведет к старому серверу "Элизиум-Тех".

"Чай подан" — это не метафора. Это команда.

Тот, кто знает... придет в маске Красной Королевы.

Шторм закрыл папку.

— Архитектор, — произнёс он вслух. Слово упало в тишину подвала, и ему показалось, что даже серверы за стеной притихли.

Горецкий смотрел на него. Не торопил. Просто ждал.

— Это ведь тот самый? — спросил полковник тихо. — Из твоего прошлого?

— Похоже на то. Восемь лет я надеялся, что это просто миф. — Шторм помолчал. — Видимо, не миф.

Горецкий откинулся на спинку стула. Его пальцы лежали на папке — не сразу отдал, как будто сомневался, стоит ли впутывать Шторма в это дело. Шторм заметил. И понял.

— Ты не обязан, — сказал Горецкий. — Но если не ты, то никто.

— Другие отделы не знают, что такое Архитектор.

— Другие отделы даже не знают, что это не несчастный случай.

Шторм кивнул.

— Значит, я иду.

Горецкий убрал руку с папки.

— Тогда не смею задерживать. У тебя теперь персональное приглашение.

Шторм закрыл папку. Посмотрел на свои руки — на шрам, который тянулся от запястья к локтю. Память. Наказание. Мотивация.

— Полковник, — сказал он. — Вы когда-нибудь жалели, что создали этот отдел?

Горецкий усмехнулся — сухо, без радости.

— Я жалею только о том, что не создал его раньше. Может, тогда успел бы спасти больше людей.

— Сколько?

— Всегда мало. — Горецкий взял со стола кружку с остывшим чаем. — Иди, Шторм. Дело не ждёт.

Шторм кивнул и направился к своему столу. Но на полпути остановился.

— Полковник, — сказал он, не оборачиваясь. — Спасибо. Что взяли меня тогда. После «Колыбели». Когда никто не брал.

Горецкий не ответил. Но Шторм почувствовал на себе его взгляд — тяжёлый, понимающий, без тени жалости.

Он сел за свой пустой стол. Ноутбук. Кружка. Никаких голограмм. Никаких цифровых помощников.

Начинался долгий день, — подумал он. — И, чуяло его битое сердце, ещё более долгая ночь.

ГЛАВА 2: МОРГ

День первый после смерти Аверина. Отдел АВИ. 08:15 утра.

Шторм ещё раз открыл папку Аверина. Дневник он уже прочитал, но теперь, зная про чат-лог и пустой ID, перечитал последнюю запись медленно, строчку за строчкой.

«Тот, кто знает, придёт в маске Красной Королевы».

Красная Королева. Персонаж, которого нет в официальном лоре игры. Аномалия. Глюк. Или след Архитектора.

Рядом с дневником в папке лежала распечатка приглашения — скриншот системного сообщения, которое Сай вытащил из логов шлема. «Чай будет подан. К.К.». Две улики, указывающие на персонажа, которого нет. И обе вели в оранжевую особняк лорда Блэквуда — локацию, куда нельзя попасть без приглашения.

Шторм закрыл папку. Теперь у него было достаточно, чтобы понять: Аверина убили не за то, что он знал. Его убили за то, что он был готов рассказать.

В опенспейсе за его спиной хлопнула дверь. Вошёл Лёва — взлохмаченный, с планшетом под мышкой и двумя стаканчиками кофе в руках.

— Простите, — выдохнул он, ставя кофе на стол Шторма. — Метро встало на перегоне.

— Метро в этом городе не вставало ни разу с две тысячи пятьдесят третьего года, — ответил Шторм, не оборачиваясь. — Придумай оправдание побольше.

— Так точно, — пробормотал Лёва. — Придумаю.

— Кофе хороший, — сказал Шторм, беря стаканчик.

Лёва просиял и исчез за своим столом.

Шторм спустился по короткой лестнице, отделявшей основной опенспейс от серверной, и толкнул гермодверь. Она подалась с тем влажным чавканьем, которое бывает только у старых уплотнителей.

«Морг» — так в отделе называли серверную, где Сай воссоздавал фрагменты игр, чтобы прочёсывать их логи, извлекая то, что разработчики предпочли бы скрыть. Место, где цифровые мертвецы говорили на языке кода. Холодное, шумное, пропитанное запахом озона и горелого пластика.

Внутри гудели кулеры, нагоняя температуру «чуть теплее, чем на улице в декабре». Шторм поёжился — после восьми лет в бункере организм разучился держать тепло, — но терпимо.

В углу, за дополнительным терминалом, уже сидела Майя. Она сняла наушники и молча кивнула Шторму. Её присутствие здесь означало, что дело серьёзное — Майя редко спускалась в «Морг», предпочитая работать с готовыми профилями наверху.

Сай сидел в своём кресле-кокон с подогревом сиденья, которое он спаял сам из трёх мониторов, геймерского руля и автомобильного сиденья от «Волги». Конструкция выглядела так, будто её собрал сумасшедший инженер, но Шторм давно привык. Он относился к этому творению с юмором и лёгкой снисходительностью — Сай был гением, а гениям прощают странности.

Сай, кажется, вообще не замечал холода. Ему было плевать на температуру, на шум, на всё, кроме данных.

— Ты опоздал, — сказал он, не оборачиваясь. Слова вылетали быстро, отрывисто — Сай всегда так говорил, когда был сосредоточен.

— Я задержался. Пил кофе.

— Ты всегда пьёшь кофе.

— Это мой единственный грех.

— Не единственный, — вставила Майя негромко.

Шторм усмехнулся.

— Медленнее, Сай. Мы не бежим на пожар.

Сай на секунду замер, потом продолжил — чуть медленнее, но всё ещё отрывисто:

— Смотри. Это логи VR-шлема Аверина за последние сутки. Вернее, за последние сорок семь минут.

На экране развернулась многомерная диаграмма — пульс, кожно-гальваническая реакция, частота моргания аватара, скорость реакции на стимулы. Всё, что «Сомнус-12» записывал о своём пользователе.

— Вот здесь, — Сай выделил участок, — он входит в «Туманный Лондон». Обычный игровой паттерн: лёгкое волнение, учащение пульса. Идёт по локации — таверна «Белая Лошадь». Встречает NPC. Пульс ровный. А потом...

График взбесился. Пульс подскочил, кожно-гальваническая реакция ушла в пик, частота моргания упала до нуля.

— Вот здесь, — сказал Сай тихо, и его голос стал медленнее, почти печальным. — Он входит в оранжерею. Через двенадцать секунд его парализует.

— Парализует?

— Аватар перестаёт двигаться. Вообще. Сорок семь минут — ни одного моторного импульса. Но сенсорика работает. Он видит. Слышит. Чувствует. — Сай переключился на другую диаграмму. — Уровень кортизола в полтора раза выше нормы. Он в ужасе, Шторм. И не может пошевелиться.

— Это не несчастный случай, — сказала Майя. — Это пытка. Сорок семь минут осознанного ужаса. Кто-то хотел, чтобы он умер в муках.

— Или чтобы он всё увидел, — добавил Шторм. — И не смог забыть.

Он посмотрел на график и вспомнил другое. Восемь лет назад. «Колыбель». Аномалии в показателях, которые он не заметил вовремя. Или не захотел замечать.

— Что ему показывали? — спросил он.

— Это самое интересное, — Сай снова заговорил быстро, отрывисто, вернувшись в привычный режим. — Мне удалось частично реконструировать визуальный поток из кэш-памяти шлема.

На панели замелькали размытые образы — как стоп-кадры из старой плёнки. Шторм увидел знакомые очертания. Зал управления «Элизиума». Панели. Кресла. Двенадцать коконов.

— Она показала ему «Колыбель», — сказал Шторм.

— Точнее, какую-то версию «Колыбели». — Сай увеличил фрагмент. — Видишь эти фигуры? Двенадцать человек. Но они не статичны. Они двигаются.

Шторм пригляделся. Фигуры в креслах не застыли, как на оригинальных записях. Они поворачивали головы. Открывали рты. Одна из них — женская, с длинными светлыми волосами — тянула руку к экрану.

Шторм узнал её. Виктория. Тридцать два года. Филолог. Любила Шекспира и кошек. Она записывалась в добровольцы одной из первых.

— Этого не было в реальных логах, — сказал он. Голос дрогнул — на секунду, не больше. — Это подделка.

— Либо реконструкция, — возразил Сай. — Либо чья-то версия событий.

— Кто-то оживил их, — тихо сказала Майя. — В цифре. Заставил двигаться, кричать, тянуть руки. Чтобы Аверин увидел. Чтобы он испугался. — Она посмотрела на Шторма. — Чтобы ты увидел.

— Я уже видел, — ответил Шторм. — Я там был.

В его голосе не было злости. Только боль и гнев — приглушённые, затолканные глубоко, но живые. Восемь лет он носил их в себе. И вот теперь кто-то решил напомнить.

— Что ещё? — спросил он.

— Сай нашёл кое-что, — сказала Майя. — Покажи.

Сай полез в глубь папок. На экране появилась звуковая дорожка — рваная, с помехами.

— Это то, что было удалено из логов в первую очередь, — сказал он. — Но я восстановил.

Он нажал воспроизведение.

Сначала был треск. Потом — голос. Искажённый, низкий, почти механический:

«Чай подан. Выпей до дна, Эшфорд».

— Тот же голос, что в чат-логе, — сказал Шторм.

— Тот же, — подтвердил Сай. — Но здесь он не в тексте. Он в аудио. Красная Королева не просто написала сообщение. Она говорила с ним. Пока он умирал.

Майя и Шторм переглянулись.

— Она хотела, чтобы он слышал её голос, — сказала Майя. — Это усилитель. Текст можно игнорировать. Голос — нет.

— Сай, — сказал Шторм. — Сможешь вычленить частотную характеристику? Сравнить с другими голосами?

— Уже. — Сай застучал по клавиатуре. — Она использует модуляцию, которой нет в стандартных настройках игры.

— Чья она? — спросила Майя. — Не персонаж. Создатель.

— Или маска.

Шторм повернулся к Саю.

— Что по ID отправителя?

Сай вывел на экран последнюю строку чат-лога. Сообщение от аватара без ID.

— ID отправителя — пустой. Не нулевой, не скрытый, а именно пустой. Такого не бывает. Даже у админов есть временные маркеры.

— Или тот, кто умеет стирать себя из системы полностью, — добавил Шторм.

— Есть ещё кое-что. — Сай понизил голос, и снова в нём появилась та печальная, медленная нота. — Файл с сигнатурой «ZERO.ghost».

Майя подалась вперёд.

— Тот самый?

— Да. — Сай снял очки, протёр глаза. — Я восстановил его пять лет назад из старых логов «Элизиума».

Шторм знал эту историю.

Когда логи «Колыбели» сделали общедоступными — по требованию родственников, которые не верили в версию о случайности, — Сай, тогда ещё просто молодой технарь, начал собственное расследование. Он перелопатил терабайты данных. И нашёл то, что другие пропустили: тень. След. Аномалию, которая не должна была существовать.

Сай тогда работал по ночам, как и сейчас. Пил энергетики, не спал, рылся в чужих логах. А потом увидел её — сигнатуру, которая повторялась в разных играх, в разных убийствах, за разные годы. Он собрал куски в один файл — «ZERO.ghost».

— Он пытался убедить органы кибербезопасности, — сказала Майя. — Что инцидент — не ошибка разработчиков, а направленное действие.

— Меня не слушали, — закончил Сай. — А потом меня нашёл Горецкий. И сказал, что у него есть отдел для таких, как я.

— «ZERO.ghost» годами не поддавался расшифровке, — сказал Шторм. — Но сегодня ночью он активировался.

— Когда я парсил пустой ID Красной Королевы, система показала маршрут пакета. — Сай развернул схему. — Сообщение шло не из «Туманного Лондона». Из закрытой сети. Маршрут совпадает с сигнатурой «ZERO.ghost».

— Он знал, — сказал Шторм. — Архитектор знал, что Аверин выйдет на него. И готовил сцену.

— Значит, он ждёт, — сказала Майя. — Не просто прячется. Ждёт. Тебя.

— Похоже на то.

— И ты всё равно пойдёшь.

Шторм не ответил.

Он смотрел на пульсирующую сигнатуру на экране — «ZERO.ghost», живой, дышащий, меняющий структуру. Как будто что-то внутри него просыпалось.

— Что будем делать? — спросил Сай.

— Готовь «Туманный Лондон». — Шторм повернулся к нему. — Я вхожу в игру.

— Один?

— Один. «Туманный Лондон» — не шутер. Там нужна голова, а не пальцы.

— А если Красная Королева нападёт? — спросил Лёва, появившись в дверях «Морга» с очередным стаканчиком кофе.

— Тогда вытащишь меня. — Шторм посмотрел на него. — Ты остаёшься здесь. Будешь следить за каналами связи и анализировать данные в реальном времени.

— Я? — Лёва выпрямился. — Я смогу.

— Сай, связь.

— Всегда, — отозвался он. — Канал открыт.

Шторм подошёл к своему креслу и взял шлем.

— Майя, анализируй всё, что будет происходить. Если Красная Королева выйдет на связь — я хочу знать, кто она.

— Уже работаю, — ответила она.

— Не отключайте питание, — сказал Шторм. — Что бы ни произошло.

— Не отключим, — ответил Горецкий, появившись в дверях «Морга». — Но если через час не выйдешь на связь — я сам выдерну тебя оттуда.

— Договорились.

Шторм надел шлем. Закрыв глаза.

Мир «Туманного Лондона» начал загружаться.

ГЛАВА 3: ТУМАННЫЙ ЛОНДОН

Загрузка началась с темноты.

Не с той темноты, к которой привыкаешь, закрывая глаза перед сном, а с технологической — плотной, ватной, пахнущей озоном. Шлем «Сомнус-12» уловил мои нейроимпульсы и начал выстраивать картинку.

Мир качнулся. На секунду я потерял ориентацию — где верх, где низ, где моё настоящее тело, а где аватар. Головокружение прошло так же быстро, как началось, но оставило после себя странное ощущение: я одновременно был здесь и там. В кресле Отдела и на мостовой викторианского Лондона.

Я пошевелил пальцами. В реале они лежали на подлокотниках. Здесь — сжимали и разжимали перчатки. Ткань была шершавой, почти настоящей.

«Чувства работают, — подумал я. — Тактильно, по крайней мере».

Сначала появился звук: дождь. Монотонный, частый, с тем характерным звоном, какой бывает, когда капли бьют по брусчатке. Потом запах — мокрый камень, угольный дым и что-то ещё, сладковатое, как подгнившие яблоки.

«Неплохо для бюджетного шлема, — подумал я. — Разработчики не зря ели свой хлеб».

Потом пришла картинка.

Я стоял на мостовой, и мой аватар — детектив-консультант Эшфорд — ощущался как чужой костюм.

Я посмотрел на свои руки. Белые перчатки, дорогие, с аккуратной строчкой. Чужие. Я провёл ладонью по лицу — гладкая кожа, никакой щетины. В зеркальной витрине магазина напротив мелькнуло отражение: человек лет тридцати пяти, тёмные волосы, аккуратно зачёсанные назад, холодные серые глаза. Ни морщин, ни мешков под глазами. Ни следа усталости, которая преследовала меня в реале.

«Моложе. Здоровее. И совершенно чужой», — подумал я.

Одежда — добротный тёмно-синий сюртук, серебряная цепочка от карманных часов, накрахмаленный воротник. Ничего общего с моей старой курткой и джинсами.

На поясе, под сюртуком, висела кобура. Я проверил. Револьвер был на месте — тяжёлый, холодный, с воронёным стволом. Стандартное оружие частного сыщика в викторианском Лондоне. Здешние игроки косились, но не спорили — детектив-консультант Эшфорд имел право носить оружие.

Сай хорошо поработал: движения были плавными, задержка минимальная. Но тело всё равно чувствовалось не своим. Чуть выше, чем моё. Чуть уже в плечах. И эти дурацкие перчатки.

«Соберись, Шторм. Ты в игре. Ты — Эшфорд. Ты расследуешь убийство. Ты понятия не имеешь, кто такая Красная Королева, и тебя пригласили на чай».

— Я на месте, — сказал я вслух.

В левом ухе щёлкнул голос Сая:

— Слышу тебя. Картинка чистая, задержка ноль-восемь. Ты в десяти минутах ходьбы от таверны «Белая Лошадь». Это последняя точка, которую посетил Аверин перед особняком.

— Принято. Веди.

Я двинулся по улице. Кэбы объезжали меня, цокая лошадиными копытами. NPC — торговцы, разносчики газет, леди в шуршащих юбках — реагировали на меня с той неестественной вежливостью, которая выдавала скрипты. «Добрый вечер, сэр». «Ужасная погода, сэр». «Не желаете ли свежих новостей, сэр?». Я не отвечал.

Через пару минут я заметил кое-что странное. Над крышей одного из домов висела луна — бледная, размытая туманом, но на её диске виднелась тонкая, как шрам, трещина. Я прищелкнул пальцами. Трещина пульсировала едва заметным светом, как битый пиксель на старом мониторе.

— Сай, у меня над головой луна сломана.

— В смысле «сломана»?

— Будто кто-то не догрузил текстуру. Или наоборот — вписал что-то своё.

Сай помолчал.

— У меня на мониторе луна без дефектов. Похоже, это видно только тебе.

— Первый след. Архитектор оставляет подсказки.

— Или ловушки. Будь осторожен.

Я прошёл ещё полквартала и заметил его.

Фигура в тёмном плаще стояла у входа в переулок. Не двигалась. Просто стояла и смотрела в мою сторону. Когда я приблизился, она шагнула в тень и исчезла.

— Сай, за мной следят. NPC?

— Не знаю. ID скрыт. Не могу определить.

— Значит, не NPC.

— Значит, кто-то, кто не хочет, чтобы его нашли.

Я ускорил шаг. Фигура не появлялась снова. Но ощущение чужого взгляда не проходило.

Таверна вынырнула из тумана, как корабль из облаков: трёхэтажное здание с кособокой крышей и вывеской, на которой белая лошадь вставала на дыбы. Из окон лился жёлтый свет, и доносился гул — смесь музыки, разговоров и звона посуды.

Я толкнул дверь и вошёл.

Внутри было тепло и тесно. Пахло пивом, жареным мясом, дымом из трубы и потом. Половицы скрипели под ногами, где-то в углу играла скрипка — живая, не запись. Разработчики явно гордились этим местом.

За столиками сидели игроки и NPC. Я быстро научился их различать: игроки двигались резче, их аватары не всегда идеально попадали в анимацию. NPC текли как вода — плавно, предсказуемо, по скрипту.

В углу, у камина, сидела компания «живых».

— ...говорю тебе, она двигалась, — горячился молодой парень с аватаром в котелке. — Я видел запись! Красная Королева в оранжеее, и она говорила с каким-то типом. А потом он просто замер на полчаса.

— И что дальше? — лениво поинтересовался его собеседник.

— Дальше он исчез. Просто вылетел из игры.

— Красная Королева всплывает раз в месяц, — вмешался третий. — Это баг. Или пасхалка. Не выдумывай.

Я прошёл к барной стойке и сел. Бармен — NPC с лицом, которое разработчики явно лепили с какого-то боксёра на пенсии, — подошёл и вытер руки о фартук.

— Чего желаете, сэр?

— Кофе.

— Простите, сэр, у нас только чай.

«Ну конечно. Стимпанк-Лондон. Чайная культура. Никакого кофе на сотни миль вокруг».

— Тогда чай.

Бармен кивнул и отошёл. Я разглядывал зал.

На стене над камином висела картина — шахматная доска, написанная маслом. Я присматрелся. Фигуры стояли не по правилам: чёрный король сдвинут на край, белый ферзь опрокинут. А красная королева — единственная красная фигура на всей доске — стояла на клетке, которой не существовало. Е9.

— Сай, видишь картину у меня перед глазами?

— Вижу. Шахматы.

— Красная королева стоит на клетке Е9. Такой клетки нет на доске.

Сай помолчал.

— У меня на рендере она на Е8. Обычная позиция. Опять метка, которую видишь только ты.

— Значит, я на правильном пути.

Я отодвинул нетронутый чай и встал.

У выхода я замер. В окне, на секунду, мелькнула тень. Та же фигура в тёмном плаще. Она стояла напротив, на другой стороне улицы, и смотрела прямо на меня.

Потом шагнула в толпу и исчезла.

— Сай, он снова здесь.

— Вижу. Но не могу отследить.

— Он знает, кто я.

— Или знает, кого ты ищешь.

Я положил руку на кобуру. Пистолет был на месте.

— Если я перестану двигаться — вытаскивай меня сразу. Без раздумий.

— Принято.

Где-то в особняке лорда Блэквуда ждала женщина в алом платье. И теперь я знал: она — не баг. Она — приглашение.

А приглашения не опаздывают.

Я поправил перчатки аватара и шагнул в туман.

ГЛАВА 4: КРАСНАЯ КОРОЛЕВА

День первый после смерти Аверина. «Туманный Лондон» — особняк лорда Блэквуда. 09:23 утра.

Особняк вынырнул из тумана не сразу.

Сначала появились ворота — кованые, с завитками, изображающими то ли виноградную лозу, то ли змей, пожирающих друг друга. Петли проржавели, створки висели криво. Кто-то давно не закрывал их — или никогда не закрывал.

Потом — аллея, обсаженная тисами, которые в этом вечном виртуальном сумраке казались чёрными. Ветви сплелись над головой, образуя тоннель. Под ногами хрустел гравий. Каждый шаг отдавался громким скрежетом. Шторму казалось, что его слышат за много миль вокруг.

Где-то в глубине ухнула сова — или ночная птица, запрограммированная разработчиками для атмосферы.

Пахло сыростью, гнилью и старым камнем. Запах был густым, почти осязаемым.

И наконец сам дом: трёхэтажный, с мансардой и башенкой, сложенный из серого камня, который в дожде блестел как рыба чешуя. Окна были тёмными. Ни одного огня. Только аварийный маяк над входом отбрасывал оранжевые блики на мокрые ступени.

Шторм остановился у ворот. Провёл рукой по поясу — револьвер был на месте. Он не собирался стрелять. Но знать, что он есть, было спокойнее.

— Я на месте, — сказал он.

— Вижу, — отозвался Сай. — Показатели ровные. Пульс чуть повышен, но в пределах нормы. Волнуешься?

— Я собираюсь с мыслями.

— Ну-ну.

Шторм перевёл взгляд на аллею. Гравий был примят. Не дождём — чьими-то ногами. Кто-то прошёл здесь до него.

Он присмотрелся. Следы были разными. Старые, присыпанные влажной пылью, почти незаметные — их оставили NPC, может быть, другие игроки. А были и свежие. Более тёмные на мокром гравии. Они выделялись, как рубцы на старой коже.

— Сай, здесь кто-то был. Недавно.

— Аверин, — ответил Сай. — Логи показывают, что он прошёл по этой аллее за час до тебя.

— Почему я не вижу его следы на воротах?

— Он не трогал ворота. Они были открыты. Он просто прошёл.

Шторм посмотрел на тёмные окна особняка. В одном из них, на втором этаже, на секунду мелькнула тень.

— Ладно. Время не ждёт.

Он шагнул вперёд, стараясь не наступать на следы Аверина. Гравий хрустел под ногами. Каждый шаг казался оглушительным. Ветви тисов царапали плечи.

Подходя к двери, он почувствовал тишину.

Всё замерло. Ветер стих. Птицы замолкли. Даже собственные шаги стали тише — как будто звук поглощал кто-то невидимый.

А потом он почувствовал взгляд.

Чей-то тяжёлый, холодный взгляд сверлил его спину. Шторм замер. Обернулся.

Никого.

Только тисы, аллея, ворота и бесконечный серый туман.

Он поёжился, схватился за ручку двери и потянул.

Холл встретил меня тишиной.

Не той тишиной, которая бывает в пустых домах — с поскрипыванием половиц и гулом ветра в трубах, — а цифровой. Мёртвой. Как будто звуковой движок отключили, но забыли выключить визуал.

Свет проникал сквозь узкие окна под потолком — тусклый, лунный, почти призрачный. Люстры с догоревшими свечами висели на цепях, отбрасывая дрожащие тени на стены. Пахло пылью, старым деревом и застывшим воском.

Я сделал шаг. Половица жалобно скрипнула. Звук разнёсся по холлу с лёгкой задержкой, как в плохо сведённом треке.

И тут за моей спиной хлопнула дверь.

Я обернулся. Входная дверь была закрыта. Сквозняка не было. Окна закрыты. Никого.

«То ли сквозняк, — подумал я. — То ли...»

— Локация нестабильна, — пробормотал я.

— Пинг скачет, — подтвердил Сай. — Игроков, кроме тебя, в радиусе нет. Вообще.

— Совсем?

— Совсем. Либо они ушли, либо их не было с самого начала.

Я двинулся по коридору. Стены были увешаны портретами — суровые мужчины в цилиндрах, бледные женщины в кружевных воротниках. NPC-предки лорда Блэквуда, прописанные для антуража.

Я старался не смотреть на них. Но взгляд возвращался снова и снова. Глаза на портретах были написаны так, что действительно следили — старая техника, известная ещё художникам XVIII века. Но здесь, в цифровой реальности, эффект был усилен до жути.

Когда я проходил мимо одного из портретов — дородного господина с бакенбардами, — мне показалось, что он проводил меня глазами.

Я остановился. Портрет висел неподвижно.

— Сай, только что был саккадический сдвиг?

— Где?

— Портрет слева от меня. Мне показалось, он смотрит.

Сай помолчал.

— Анимационных триггеров на этой текстуре нет. Это статичный объект. Я проверяю логи... — Он замолчал. — Странно. В момент, когда ты на него посмотрел, система зафиксировала микро-импульс извне. Кто-то подал сигнал. Очень короткий. Я не могу определить откуда.

— Архитектор? — сказал я.

— Возможно. Или кто-то, кто хочет, чтобы ты думал, что он здесь.

Я пошёл дальше. Коридор тянулся бесконечно. Портреты повторялись. Те же лица. Те же позы. Те же глаза, которые смотрели в спину.

А потом я заметил его.

В дальнем конце коридора, среди чопорных викторианских джентльменов, висел портрет, который не вписывался. Женщина в алом платье. Фарфоровая маска. Красная Королева.

Я замер.

— Сай, ты видишь?

— Что?

— Портрет. Красная Королева.

Сай долго молчал.

— У меня на рендере там пустая стена.

— Значит, это для меня.

— Или Архитектор хочет, чтобы ты знал, что он здесь.

Я проверил револьвер. Он был на месте.

За спиной послышались шаги.

Чёткие, ритмичные, приближающиеся. Я резко обернулся.

Никого.

Шаги стихли.

Я ждал. Тишина.

Потом снова — шаги. С другой стороны. Я развернулся — пусто.

Шаги пропадали каждый раз, когда я пытался их найти. Они были везде и нигде. Как портреты. Как взгляд, который сверлил спину.

— Сай, здесь кто-то есть.

— Датчики чистые. Никого, кроме тебя.

— Тогда почему я слышу шаги?

— Не знаю. Может, игра. Может, твоё воображение. Может, Архитектор играет с тобой. Я выдохнул.

— Ладно. Я иду дальше.

Я двинулся к двери в конце коридора, стараясь не оглядываться на портрет Красной Королевы. Шаги следовали за мной, но я не оборачивался.

Коридор тянулся дальше, но что-то было не так.

С каждым шагом напряжение росло. Шторм чувствовал это всем телом — давящую тишину, холодный воздух, который становился всё плотнее, и странную, почти физическую тяжесть. Как будто кто-то невидимый давил на плечи, заставлял замедлиться.

Он сделал шаг к двери.

И дверь отодвинулась.

Ещё шаг — дверь снова стала дальше. Коридор растягивался, словно резиновый, и каждый следующий шаг приближал его к цели меньше, чем предыдущий.

— Сай, — сказал он тихо. — Здесь что-то не так. Коридор меняется.

— Проверяю... — Сай замолчал. — Странно. Координаты твоего аватара не совпадают с картой. Ты движешься, но система показывает, что ты стоишь на месте.

— Кто-то не хочет, чтобы я открыл эту дверь.

— Или хочет, чтобы ты потратил время.

Шторм остановился. Сосредоточился. Закрыв глаза на секунду, отключил лишнее.

«Дверь не двигается. Это иллюзия. Пространство не резиновое. Это код».

Он открыл глаза и сделал шаг. Не к двери — к себе. Потянул пространство на себя, как если бы пытался притянуть её силой воли.

Дверь приблизилась.

Ещё шаг — и он стоял перед ней.

Коридор за спиной снова стал нормальным. Исчезла давящая тяжесть. Исчезло ощущение, что кто-то крутит карту, как пластинку.

Витраж был именно таким, как на карте: алое стекло, изображающее розу.

Но Шторм присмотрелся. Лепестки розы не были симметричными. Они складывались в узор, который, если смотреть дольше секунды, начинал пульсировать. Слишком яркий для этого сумрачного дома. Слишком живой.

И «швы». Тонкие красные линии оплетали витраж, как паутина. Такие же, как на луне. Как на картине в таверне.

— Сай, видишь?

— Да. Роза пульсирует. Это не текстура. Это код.

— Знак?

— Или предупреждение.

Шторм не стал гадать. Он сосредоточился на двери, на ручке — холодной, металлической, покрытой патиной. Он не торопился. Сначала просто прислушался.

За дверью было тихо. Слишком тихо.

Потом он взялся за ручку.

И в этот момент почувствовал взгляд.

Холодный, тяжёлый, знакомый. Кто-то смотрел на него со спины. Шторм замер, не оборачиваясь. Ждал.

Взгляд не исчезал.

— Сай, за мной снова кто-то есть?

— Датчики чистые. Но... Майя говорит, что у тебя снова микровсплеск альфа-ритма. Кто-то пытается влиять на твоё восприятие. Не дай ему.

Шторм медленно повернул голову.

Коридор был пуст.

Но взгляд оставался.

Он выдохнул, развернулся обратно к двери и толкнул створки.

Оранжерея встретила меня запахом гниющих роз.

Точно таким же, как в описании из логов Аверина. Сладковато-приторный аромат, за которым пряталось что-то тухлое. Розы — сотни роз, от бледно-розовых до тёмно-бордовых — обвивали колонны, свисали с потолка, тянулись по стенам.

Свет проникал сверху — через стеклянную крышу, покрытую паутиной и пылью. Тусклый, лунный, почти болезненный. В воздухе не было движения. Ни сквозняка, ни ветерка. Атмосфера стоячего, мёртвого воздуха давила на плечи. Где-то капала вода — мерно, как секундомер.

И холод. Не снаружи — внутри. Пронизывающий, липкий холод, который пробирался под одежду, под кожу, в самую глубину. Шторм поёжился.

Посередине стоял круглый столик с чайным сервизом. Две чашки. Чайник. Всё как на картинке из дела.

За столиком сидела женщина в алом платье.

Красная Королева.

Она была именно такой, как описывал Аверин: фарфоровая маска, расписанная под карточную масть, платье, ниспадающее до пола, тонкие руки, сложенные на коленях. Неподвижная. Как статуя.

Но глаза за маской — они были видны. Блестящие, неподвижные, живые и мёртвые одновременно. Они смотрели сквозь Шторма, как будто его здесь не было. Как будто он был призраком в её мире.

От неё исходило лёгкое тепло. Единственное тёплое место в этой ледяной оранжерее. Единственное живое.

«Живая кукла с мёртвым взглядом», — подумал Шторм.

— Добрый день, — сказал он, стараясь сохранять ровный тон.

Он сделал шаг вперёд и замер. Проверил, может ли пошевелиться. Руки, ноги, пальцы — всё работало. Пока.

— Сай? — тихо спросил он.

— Слышу.

— Я пока могу двигаться.

— Дай знать, если что-то изменится.

Шторм сделал ещё шаг, рассматривая её. Вблизи Королева казалась ещё более неестественной. Искусственной. Созданной. Но тепло, которое от неё исходило, было настоящим.

— Похоже, это она за мной следила, — сказал он. — Я чувствую тот же взгляд.

— Это, наверное, жутко, — ответил Сай.

— Наверное, — усмехнулся Шторм.

Он подошёл к столику и сел напротив неё.

— Я здесь, — сказал он. — Что ты хотела мне показать?

Красная Королева подняла голову. Её глаза блеснули — впервые за всё время. А потом она щёлкнула пальцами, и оранжерея поплыла.

Голос Королевы раздался со всех сторон — оранжерея усилила его акустикой, превратив в многоголосый шёпот:

«Чай будет подан. Выпей до дна, Эшфорд».

Она подняла голову. Движение было плавным, почти человеческим — но с той микроскопической задержкой, которая выдавала удалённое управление. Не скрипт. Живой оператор с неидеальной связью.

Она склонила голову набок — жест, который выглядел почти кокетливо, но отчего-то вызывал озноб.

— Вы пунктуальны, сэр Эшфорд, — произнесла она. Голос звучал сразу отовсюду, с лёгким эхом, накладывающимся на себя. — Чай почти остыл.

— Ничего, я не любитель горячих напитков.

— Знаю, — в её голосе появилось что-то похожее на улыбку. Интонация была ледяной, спокойной, почти безжизненной. Тембр — низкий, грудной, неестественный для женщины в алом платье. — Вы предпочитаете кофе. Четыре чашки в день. Последнюю — за час до сна.

Я замер.

Аверину она говорила о чае. Мне — о кофе. О моём кофе. О том, что я пью каждое утро. О том, когда я ложусь спать.

Холодок пробежал по спине. Мурашки взбежали по рукам.

«Откуда?» — пронеслось в голове. — «Откуда она знает?»

Это была не цитата из дневника Аверина. Это была информация, которую Архитектор собрал лично обо мне.

— Откуда вы знаете? — спросил я. Голос прозвучал ровнее, чем я ожидал.

— Я знаю всё, что знал он, — она наклонила голову, разглядывая меня сквозь прорези маски. — Архитектор собрал обширное досье на тех, кто приближается к истине. Аверин был не первый. И, полагаю, не последний.

— Вы говорите об Архитекторе как о ком-то отдельном. Значит, вы — не он.

— Я — его голос. Его маска. Одна из многих. — Она поднесла чашку к фарфоровым губам, но не сделала глотка. — Он создал меня, чтобы говорить с теми, кто приходит. С такими, как Аверин. С такими, как ты.

— И что вы хотите мне сказать?

— Не я. Он. — Королева поставила чашку на стол. — Ты ведь знаешь, зачем ты здесь, Алексей Шторм.

Она назвала моё имя. Настоящее.

— Сай, — сказал я одними губами.

— Слышу, — отозвался он глухо. — Она обращается к твоему профилю. Но ID по-прежнему пустой. Это не игрок. Это программа. Или...

— Или что?

— Или часть игры, которую кто-то переписал.

Королева поднялась из-за стола. Её платье зашуршало — звук был настолько детальным, что я невольно восхитился работой звукорежиссёра.

— Ты хочешь знать правду о «Колыбели», — произнесла она. — Хочешь знать, что стало с теми двенадцатью. Я покажу тебе.

— Кто они? — спросил я. — При жизни. Я знал их. Каждого. Почему Архитектор выбрал именно их?

Королева замерла на секунду. Её глаза за маской блеснули.

— Не сейчас, — сказала она. — Сначала ты должен увидеть. Потом поймёшь.

— Я уже видел эту сцену. Вы показали её Аверину.

— Аверину я показала страх. Тебе я покажу правду.

Я смотрел на неё. Время шло. Сколько осталось — сорок семь минут, как у Аверина? Или больше?

— Показывай, — сказал я.

Она щёлкнула пальцами, и оранжерея исчезла.

Я стоял в зале управления «Элизиума». Восемь лет назад. Всё было точно так, как я помнил — голографические панели, кресла с нейроинтерфейсами, и двенадцать человек, застывших в момент, когда их сознания ушли в сеть.

Я попытался сделать шаг назад. Ничего. Ноги не слушались.

Я захотел отвернуться. Шея не поворачивалась.

Я попробовал закрыть глаза. Веки не двигались.

«Паралич, — понял я. — Как Аверин. Как он».

В висках запульсировала боль. Острая, нарастающая. Я попытался поднять руку, чтобы коснуться головы, — рука не двинулась. Только пальцы чуть дрогнули.

Тяжесть навалилась на плечи, на грудь, на всё тело. Как будто кто-то невидимый положил сверху сотни килограммов. Дышать стало труднее.

Паника поднялась откуда-то из живота. Сердце заколотилось быстрее. Я сжал зубы и заставил себя думать.

«Не паникуй. Паника убьёт быстрее, чем он».

Фигуры в креслах ожили.

Теперь они не были статуями. Они двигались. Поворачивали головы. Открывали рты в беззвучном крике. И смотрели прямо на меня.

— Смотри! — голос Королевы прозвучал требовательно, почти приказом. — Смотри на тех, кого ты оставил!

Я заставил себя не отводить взгляд — хотя отвести его всё равно не мог.

Лица. Молодые. Испуганные.

Женщина с длинными светлыми волосами — её рука тянулась к стеклу, пальцы сгибались, как будто она пыталась ухватиться за воздух.

Мужчина в очках — он смотрел прямо перед собой и что-то шептал. Я не слышал слов, но по движению губ мог разобрать: «Вытащите нас. Пожалуйста. Вытащите».

Гнев поднялся во мне. Горячий, обжигающий. Я хотел крикнуть, что это не моя вина, что я не знал, что не успел, что я пытался их спасти.

Но голос не слушался.

— Это не запись! — наконец выкрикнул я. — Этого не было в логах! Вы реконструировали сцену! Или сфабриковали!

— Это правда, — ответила Королева. Её голос был спокойным, почти равнодушным. — Правда, которую ты хотел забыть. Они не просто застряли в системе. Они стали первыми гражданами Нулевого Мира. И ты, Алексей Шторм, — их создатель.

— Я их не создавал! Я совершил ошибку!

— Ошибка — это то, что ломает систему. А ты открыл дверь. Архитектор лишь вошёл в неё.

Я смотрел на двенадцать фигур и чувствовал, как внутри поднимается тошнота. Гнев смешивался с ужасом, ужас — с болью, которая пульсировала в висках.

«Они живы, — подумал я. — Они все живы. И я должен их вернуть».

Но я не мог даже отвернуться.

Я смотрел на двенадцать фигур и чувствовал, как внутри поднимается тошнота. Гнев смешивался с ужасом, ужас — с болью, которая пульсировала в висках.

Но вместе с этой мыслью пришло странное, неожиданное облегчение.

Потому что я заметил кое-что, чего не заметил Аверин.

Одна из фигур — женщина с тёмными волосами, сидевшая в крайнем кресле — двигалась несинхронно. Её движения запаздывали на долю секунды, как будто анимация была наложена поверх чужого скелета.

«Ошибка, — понял я. — Архитектор ошибся».

— Сай, — прошептал я, насколько позволял паралич. — Крайнее левое кресло. Женщина. Видишь задержку?

— Вижу, — ответил он. — Доли секунды, но есть. Это не оригинальная запись. Это подделка.

— Или правда, смонтированная из кусков, — сказал я. — Архитектор не знал точной анимации. Он воссоздал сцену по памяти. И ошибся.

Королева замерла.

Её маска чуть дрогнула — впервые за весь разговор. Растерянность мелькнула в её неподвижных глазах. Она не ожидала, что он заметит. Не ожидала, что кто-то посмеет усомниться.

— Ты наблюдателен, Шторм, — произнесла она с лёгким металлическим оттенком в голосе.

— Твой создатель — не бог, — ответил я. — Он ошибается. Ошибается в деталях. А на деталях ловят всех.

— Возможно, — она склонила голову, и растерянность исчезла, сменившись прежней ледяной маской. — Но он знает то, чего не знаешь ты. Двенадцать человек живы. Их сознания сохранены в Нулевом Мире. И однажды ты сам придёшь туда. Не для того, чтобы судить. Чтобы понять.

— И что я должен понять?

— То, что реальность — это всего лишь первый черновик.

«Намёк, — подумал я. — Архитектор считает себя выше реальности. Он переписывает мир, как код. И думает, что это делает его богом».

Она снова щёлкнула пальцами, и зал «Элизиума» начал таять.

Стены оплывали, как воск. Кресла с фигурами исчезали. Лица двенадцати жертв таяли последними — их глаза смотрели на меня до самого конца.

Я почувствовал, как шлем на голове нагревается. Система перегружалась.

— До встречи, Инспектор, — прошелестел голос Королевы. — Чай будет ждать.

Мир схлопнулся.

День первый. От

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.